

© 1998 г. Е.В. УРЫСОН

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА VS. ОБИХОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)*

0. Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина, мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Этому никак не противоречит тот факт, что все национально-специфичные модели мира имеют и общие, универсальные черты.)¹

Языковую картину мира принято противопоставлять научной. Различие между языковой и научной картинами мира особенно ярко проявляется при анализе тех слов естественного языка, которые используются в качестве научных терминов; ср. *звезда*, *вода*, *свет*, *тепло*, *горение*, *высота*, *точка*, *линия* и т.д. Хотя значение научного термина развилось, "выросло" из значения обычного слова, однако термин определяется в системе научных понятий, а она бывает весьма далека от системы лексических значений, закрепленных в естественном языке. Ср. ставший хрестоматийным пример Л.В. Щербы: «*Прямая* (линия) определяется в геометрии как 'кратчайшее расстояние между двумя точками'». Но в литературном языке это, очевидно, не так. ...*Прямой* мы называем в быту 'линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [Щерба 1974: 280]. Подчеркивая "донаучный" характер языковой модели мира, ее называют также наивной [Апресян 1995а].

Наивную картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных (обывательских, бытовых) представлений о мире [Апресян 1995а; Яковлева 1994]. Иными словами, считается, что язык отражает наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации). А это значит, что лингвиста, описывающего языковую картину мира, ждут открытия двух типов. С одной стороны, исследуемый фрагмент языковой модели мира будет необыкновенно точно соответствовать нашим, до сих пор никем не эксплицированным, обиходным представлениям о данном кусочке действительности. С другой стороны, этот же фрагмент наивной картины мира может удивительно отличаться от научного знания, которое современный образованный человек склонен рассматривать как эталон "правильных представлений". Ср. анализ слова *высота* в [Апресян 1995а: 58–59]².

* Автор признателен всем коллегам, принявшим участие в обсуждении этой работы на семинаре по теоретической лингвистике и семантике в ИППИ РАН и на конференции ДИАЛОГ'97. Особую благодарность автор приносит Ю.Д. Апресяну, взявшему на себя труд прочитать рукопись этой статьи и сделать по ней ряд ценных замечаний.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 96-04-6437) и РФФИ (проект 96-15-98605).

¹ Подробнее о языковой модели мира см. [Апресян 1995а; 1995б; Wierzbicka 1992].

² Последнему утверждению не противоречит тот факт, что "интуитивные представления о вещах не всегда расходятся с научными" [Апресян 1995а: 299]. Это в большой степени связано с тем, что "в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами стала менее отчетливой" [Яковлева 1994: 10], поскольку "историческая практика человечества неизбежно приводит ко все более широкому вторжению научных знаний в сферу бытовых представлений, отпечатываемых в фактах языка, или к расширению сферы этих бытовых представлений за счет научных понятий" [Апресян 1995а: 299].

Цель настоящей работы – показать, что наивная картина мира может быть противопоставлена не только научной картине мира, но и нашим житейским, обиходным, "обывательским" представлениям. Мы продемонстрируем это на одном фрагменте русской языковой картины мира, а именно – на модели восприятия.

1. Основные лексические единицы, обозначающие восприятие, – это *видеть*, *слышать*, *обонять*, *ощущать вкус* и *осязать*. Каждая из этих единиц описывает ситуацию с двумя участниками. Первый участник – субъект восприятия (тот, кто воспринимает), второй – объект восприятия (то, что воспринимается). Иногда субъект просто воспринимает какой-нибудь объект (пассивное восприятие): ср. *Я вижу лису*, *Я слышу музыку*. А иногда он делает что-то специальное, для того чтобы воспринимать объект. Ср. *Я смотрю на лису*, *Я слушаю музыку*. Такие специальные действия обозначаются своими глаголами, причем для каждого вида "пассивного восприятия" имеется парный глагол, обозначающий соответствующее активное действие. Ср. *видеть* – *смотреть*, *слышать* – *слушать*, *обонять* – *нюхать*, *ощущать вкус* – *пробовать*, *осязать* – *щупать*³.

Первые члены в этих парах устроены вполне единообразно – они толкуются по схеме 'воспринимать X Y-ом', где Y – обозначение соответствующего органа восприятия. Ср. слегка модифицированные рабочие толкования, обсуждаемые в [Вежицка 1986: 338]: *видеть что-л.* = 'воспринимать что-л. глазами', *слышать что-л.* = 'воспринимать что-л. ушами', *обонять что-л.* = 'воспринимать что-л. носом', *ощущать вкус чего-л.* = 'воспринимать что-л. языком', *осязать что-л.* = 'воспринимать что-л. телом'. Сосредоточимся сначала на третьем компоненте этих толкований, т.е. на органе восприятия⁴.

Глаза, уши, нос и язык – это действительно органы, т.е. части тела, имеющие свой внешний вид (в частности – форму) и свои четкие функции. Однако в русском языке нет специального однословного выражения для той части тела, которая осязает. Мы знаем, что это подушечки пальцев и, возможно, ладонь (точнее, кожа этих частей руки), но русский язык не выделяет их в качестве "органа осязания". Ниже мы вернемся к этой непоследовательности языка. А сейчас остановимся на другой его кажущейся нелогичности – обозначение органа восприятия в некоторых случаях как будто допускает варианты.

Русские толковые словари, толкуя глаголы *видеть*, *слышать* и *обонять*, в качестве Y-а выбирают не 'глаза', 'уши' и 'нос', а нечто другое. *Видеть* толкуется

³ В [Апресян 1995в: 357 сл.] продемонстрировано, что для полного описания модели восприятия необходимо рассматривать не две, а три или даже четыре серии глаголов (предикатных слов). Первая серия – это предикаты, обозначающие "пассивное восприятие": ср. *Из окна мы видели кусочек неба*. Вторая серия – это "конверсные им глаголы или глагольные выражения, первая валентность которых заполняется именем воспринимаемого объекта, а вторая – именем субъекта восприятия" [Апресян 1995в: 357 сл.]: ср. *Из окна нам был виден кусочек неба*. Третья серия глаголов – это глаголы "активного действия" типа *смотреть*, *слушать*. Наконец, четвертую, гораздо менее регулярную серию, образуют глаголы, обозначающие "активное воздействие объекта на орган чувства: ср. *бросаться в глаза* для зрения, *доноситься для слуха*, *шибать в нос* для обоняния" [Апресян 1995в: 357]. Тем самым, в русском языке предикаты восприятия группируются не в пары, а как минимум в триады; ср. *видеть* – *быть видимым (кому-л.)* – *смотреть*, *слышать* – *быть слышимым (кому-л.)* – *слушать*, *обонять (чувать)* – *пахнуть* – *нюхать*, *ощущать вкус* – *быть на вкус* – *пробовать*, *осязать* – *быть на ощупь* – *щупать*. Анализ срединных предикатов из триад для наших целей несуществен, поэтому в дальнейшем они не рассматриваются.

⁴ Первый компонент – 'воспринимать' – отличает данный класс слов от других классов, поэтому он важен при сравнении модели восприятия с другими фрагментами языковой картины мира. Мы, однако, будем сравнивать выбранные слова между собой, поэтому для нас этот компонент не представляет интереса. В частности, сейчас нам неважно, является ли 'воспринимать' семантическим примитивом [Апресян 1995в] или весьма сложным смыслом [Вежицка 1986].

как 'воспринимать зрением', *слышать* – как 'воспринимать слухом', *обонять* – 'воспринимать обонянием'⁵. Что же такое *зрение*, *слух* и *обоняние*?

В толковых словарях эти слова толкуются как 'способность': *зрение* = 'способность видеть', *слух* = 'способность слышать', *обоняние* = 'способность обонять'. Получается, что глаголы *видеть*, *слышать* и *обонять* толкуются по абсурдной схеме 'воспринимать способностью'. Но это, разумеется, не так.

Все дело в том, что слова *зрение*, *слух* и *обоняние* обозначают не только способность. В работе [Урысон 1995] мы продемонстрировали, что в некоторых контекстах эти слова выступают как обозначения чего-то предметного, подобного органу восприятия. Так, слух предстает как нечто, с помощью чего человек воспринимает звуки. Ср. *Напряженным слухом ловил каждый шорох, Это сочетание звуков странно поразило мой слух, До его слуха донеслись звуки вальса*. Сочетания *воспринимать зрением* и *воспринимать обонянием* можно естественно интерпретировать лишь в том случае, если согласиться, что слова *зрение* и *обоняние* могут обозначать нечто вроде органов. Ср. в связи с этим следующие примеры: *Не утаится Град от зрения людского, Стоя на горней высоте* (Ф.И. Тютчев); *В это время обоняние мое уловило запах дыма* [БАС]. Подобные контексты вполне характерны для слова *слух* и менее типичны для слова *зрение*. Что касается слова *обоняние*, то для него соответствующее употребление является окказиональным.

Как организована семантика этих слов? Может быть, мы имеем здесь дело с полисемией, т.е. с разными значениями слова? Ср. *слух* 1 = 'способность слышать', *слух* 2 = 'орган слуха 1'. Такое решение противоречит языковой интуиции.

В работе [Урысон 1995] мы предложили считать, что лексемы⁶ *зрение*, *слух* и ряд других совмещают в своем значении компоненты 'способность' и 'орган'. Они толкуются по схеме 'способность... или орган...'. Правда, степень выраженности представления об органе в разных лексемах различна. Например, в слове *слух* она гораздо больше, чем в слове *обоняние* (см. примеры выше)⁷. Подробное обсуждение вопроса о степени выраженности того или иного представления в значении лексемы выходит далеко за рамки предлагаемой работы. Нас сейчас интересует другое: какие органы обозначаются словами *зрение*, *слух* и *обоняние*?

Очевидно, что *слух* ≠ 'уши', *зрение* ≠ 'глаза', *обоняние* ≠ 'нос'. Действительно, уши, глаза и нос – это вполне реальные органы. Их можно видеть и трогать, они обладают совершенно определенной локализацией, их можно подвергать физическим действиям. Ср. *заткнуть уши*, *зажмурить* (<*заккрыть*, <*открыть*) *глаза*, *зажать нос*. А слух, зрение и обоняние, хотя и имеют функции органов, но невидимы, нематериальны. Их невозможно подвергать никаким физическим действиям, недопустимо **заткнуть слух* [ср., однако, в поэтической речи *Но равнодушно и спокойно руками я замкнула слух* (А. Ахматова)], **зажмурить* (<*открыть*, <*заккрыть*) *зрение*, **зажать обоняние*. Локализация этих невидимых органов довольно неопределенна – можно согласиться с тем, что они находятся где-то внутри реальных органов восприятия: слух – где-то в глубине ушей, зрение – где-то внутри глаз, обоняние – где-то внутри носа. При этом невидимый орган обеспечивает функционирование реального органа. Действительно, человек может иметь глаза, но быть слепым, иметь уши, но быть глухим, иметь нос, но не воспринимать запахи. Значит, глаза, уши и нос – это просто части тела человека

⁵ Последнее толкование в [МАС] несколько длиннее: *обонять* – 'ощущать запах чего-л., воспринимать обонянием'.

⁶ Следуя словоупотреблению, принятому в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово, взятое в одном его значении.

⁷ По-видимому, эту степень естественно определять статистически. А именно, "вес" представления об органе прямо пропорционален а) количеству стандартных сочетаний, в которых реализуется данный компонент значения; б) частотности таких сочетаний в реальных текстах. Все эти сведения, на наш взгляд, следует указывать отдельно от толкования.

(или животного), а истинные органы восприятия невидимы, нематериальны, хотя и связаны с данными, телесными органами, поскольку находятся где-то в их глубине.

Этот фрагмент русской языковой картины мира очень логичен. Правда, он не разработан языком до конца – представление о некоторых невидимых органах восприятия лишь намечено, ср. *обоняние*. Интересны в этом отношении слова *осязание* и *вкус*. Они обозначают прежде всего способность. Но какое-то, очень слабое представление об органе просвечивает и в них. Ср. следующий пример: *Осязание участвует в восприятии организмом величины, формы и характера поверхности предметов внешнего мира*. Аналогичный пример можно сконструировать и для слова *вкус*. Однако крайне странно ??*воспринимать осязанием* и плохо **воспринимать вкусом* (при том, что совершенно нормально *воспринимать слухом*, *воспринимать зрением* и возможно даже *воспринимать обонянием*). Таким образом, с точки зрения русского языка человек *ощущает вкус* и *осязает* только частями тела – никаких невидимых органов осязания и вкусового ощущения у человека нет.

Неравномерная разработанность данного фрагмента языка проявляется еще в одной точке системы. Сосредоточимся теперь на том, что воспринимается человеком (вторая, объектная, валентность предиката 'воспринимать X Y-ом').

Когда человек обоняет что-л. или ощущает что-л. на вкус, он воспринимает не весь объект в его полноте, а лишь какой-то один его аспект, одну характеристику. Эта характеристика имеет в русском языке однословное выражение, ср. *запах* (для *обонять*) и *вкус* (для *ощущать вкус*). Когда человек осязает что-л., он тоже, очевидно, воспринимает лишь какие-то частные аспекты предмета – это его фактура, а также форма и величина. Однако для данного (воспринимаемого осязанием) аспекта предмета в русском языке нет однословного выражения – при том, что есть прилагательные, характеризующие фактуру предмета, ср. *гладкий*, *шелковистый*, *бархатистый*, *шершавый*, *шероховатый* и др. Тем самым, в этом месте модели восприятия мы опять сталкиваемся с лакуной.

Когда человек слышит, он воспринимает не тот или иной аспект предмета, а нечто иное – мы слышим звуки, а они сопутствуют какому-то действию (процессу), т.е. являются скорее компонентом ситуации. Важно, что для этого компонента ситуации в языке есть однословное выражение, ср. *звук*.

А что человек воспринимает зрением? Очевидно, не какую-то одну характеристику предмета и не какой-то один аспект ситуации, а предмет или ситуацию во всей полноте. Правда, в русском языке есть лексические единицы, предполагающие, что у объекта (в частности, у человека) есть видимый аспект и невидимая, скрытая сущность; ср. (*внешний*) *вид*, *внешность*, *облик*, *выглядеть*, *казаться*. Однако сама по себе ситуация, называемая глаголом *видеть*, ничего подобного не предполагает. Естественно, поэтому, что в русском языке нет стандартного однословного средства для обозначения того, что воспринимается зрением. Но это не лакуна в системе, а особая выделенность зрительного восприятия в языке: мы видим весь мир, а не какие-то его аспекты или компоненты.

Лакуны в языковой модели восприятия представлены в таблице 1.

Неравномерная разработанность данного фрагмента языковой картины мира объясняется, прежде всего, различной степенью важности разных видов восприятия. Зрение и слух существенно важнее обоняния, осязания и вкуса – и соответствующие понятия развиты языком в гораздо большей степени. Правда, этому как будто противоречит одна деталь – представление о слухе как о невидимом органе почему-то развито в русском языке существенно лучше, нежели представление о зрении как органе. Но ведь зрение важнее слуха. Дальнейший анализ русской модели восприятия даст ответ и на этот вопрос.

2. Перейдем к глаголам, обозначающим те активные действия, которые совершает человек для того, чтобы воспринимать; ср. *смотреть*, *слушать*, *нюхать*, *пробовать* (на вкус), *щупать*. Начнем с самых простых из них.

"Пассивное" восприятие	Органы		Воспринимаемое
	Видимый	Невидимый	
видеть	глаза	зрение	[окружающая действительность]
слышать	уши	слух	звук
обонять	нос	обоняние (окказ.)	запах
ощущать вкус	язык	∅	вкус
осязать	∅	∅	∅

Нюхать *X* = 'вдыхать через нос воздух, обычно находящийся рядом с *X*-ом, для того чтобы воспринимать запах *X*-а'. Ср. *нюхать розу*. Вообще говоря, 'воспринимать запах' = 'обонять'. Однако *обонять* – это стилистически отмеченное слово, поэтому мы предпочли толковать *нюхать* не через 'обонять', а через семантическое разложение последнего предиката (хотя при этом и нарушается требование ступенчатости толкования⁸).

Пробовать *X* = 'делать так, чтобы небольшое количество *X*-а и язык касались друг друга, для того чтобы воспринимать вкус *X*-а'. Ср. *Повар пробует суп*⁹.

Щупать *X* = 'трогать пальцами *X*, для того чтобы ощущать его'. Ср. *Я щупаю ткань и ощущаю жесткий ворс*. *Щупать* не толкуется через 'осязать' (так же как *нюхать* не толкуется через 'обонять') потому, что *осязать* – достаточно редкий глагол, употребляемый, главным образом, в переносном значении; ср. *Месть лишь тогда сладка, когда имеешь возможность видеть и осязать ее плоды* [МАС]¹⁰.

В толкование предикатов *обонять* – *нюхать* и *ощущать вкус* – *пробовать* входит указание на орган – это соответственно нос и язык. Что касается *осязать*, то русский язык не выделяет у человека "органа осязания" – для тех частей тела, которыми мы обычно осязаем, в русском языке нет специального (однословного) обозначения. Тем не менее, в толкование *щупать* входит указание на определенную часть тела – пальцы. Однако пальцы – это не орган осязания, а инструмент ощупывания, являющийся одновременно и частью тела субъекта. Точнее, пальцы – это орган-инструмент, с помощью которого человек щупает¹¹. Тем самым, ситуация *щупать* предполагает нового участника. Причем в тех случаях, когда речь идет не о человеке, а о каком-либо другом живом существе, этот участник ситуации обозначается специальным словом; ср. *щупальца*, *щупик* (ср. также техн. *щуп*).

Глагол *слушать*, подобно *нюхать*, *пробовать* и *щупать* обозначает активное действие субъекта, цель которого – восприятие звука. Однако *нюхать*, *пробовать* и *щупать* описывают вполне конкретные физические действия, ср. 'вдыхать воздух через нос', 'делать так, чтобы небольшое количество вещества и язык касались друг друга', 'трогать объект пальцами'. А *слушать* не указывает ни на какие подобные физические действия. Что же делает субъект, когда слушает? Словари русского языка толкуют *слушать* так: 'направлять слух на какие-либо звуки' (ср. [МАС]). Но эту дескрипцию нельзя считать толкованием глагола *слушать* – выражение 'направлять слух на какие-либо звуки' слишком туманно и неясно.

⁸ См. об этом требовании [Апресян 1995а: 95].

⁹ В случаях типа *Дорогие гости, попробуйте нашу рыбу* представлено другое значение слова *пробовать*, ср. его близкий синоним *отведать*.

¹⁰ Глаголу *щупать* близки глаголы *прикасаться* и *трогать*. Слово *прикасаться*, однако, не указывает на целенаправленность действия; ср. *Он случайно прикоснулся к оголенным проводам*. А глагол *трогать* не предполагает, что цель данного действия – ощущать, осязать: ср. *Я несколько раз трогал его за плечо и даже тряс, но он не просыпался*.

¹¹ О семантических понятиях 'орган', 'инструмент' и 'орган-инструмент' см. [Апресян 1995а: 128–129].

По-видимому, русский язык не располагает особым словом, обозначающим то действие, которому субъект подвергает свой слух, когда слушает. Это неслучайно – ситуация *слушать*, в отличие от *нюхать*, *пробовать*, *щупать* и даже *смотреть* (см. ниже), не предполагает никаких явных внешних проявлений (по крайней мере, у человека – животные поводят ушами, настораживают их и т.п.). Поэтому *слушать* – наиболее абстрактный из рассматриваемых здесь глаголов. Мы предполагаем толковать его следующим образом.

Слушать X = ‘держать слух в таком состоянии, чтобы слышать X’. Ср. [*Послушай, как будто кто-то ходит у нас под дверью.*] *Я долго слушаю и наконец улавливаю какой-то шорох* <*Я слушаю, но ничего не слышу*>: *Я слушаю капель* <*шум поезда*>.

Глаголы *слушать*, *нюхать* и *пробовать* включают указание на орган восприятия и некоторое действие, которому субъект целенаправленно его подвергает. В значение глагола *щупать* входит указание не на орган пассивного восприятия, а на орган-инструмент активного действия. Разберем, как с этой точки зрения устроен глагол *смотреть*.

Смотреть принято толковать через компонент ‘направлять взгляд’, ср., например, [Апресян 1995а: 101]: *смотреть* = ‘направлять взгляд, чтобы увидеть’. Это толкование не вполне корректно. Глагол *направлять* обозначает “точечное”, или моментальное действие¹², в частности, невозможно **долго* <*три часа*> *направлять взгляд*. А *смотреть* обозначает ситуацию, длящуюся во времени, поэтому нормально *долго* <*три часа*> *смотреть*. Кроме того, *смотреть на X* не предполагает, что субъект специально направил на X взгляд – он мог случайно заметить нечто, что привлекло его внимание, и задержать взгляд на этом объекте. Исправив эти некорректности, получаем следующее толкование: *смотреть на X* = ‘держать взгляд направленным на X, для того чтобы видеть X’. Но что такое ‘взгляд’? Почему глагол *смотреть* нельзя толковать через более очевидный компонент ‘глаза’?

Можно думать, что мы сталкиваемся здесь с уже знакомой нам логикой русской языковой картины мира. Глаза могут быть и у незрячего человека. ср. *Все стали смотреть на небо, и слепой тоже устремил глаза вверх*. Значит, для того чтобы смотреть, нужно иметь не только глаза, но и нечто еще (ведь и для того чтобы видеть, нужно, наряду с глазами, иметь еще и зрение). Быть может, это нечто и есть взгляд, который может быть только у зрячего? Ср. невозможность **Все стали смотреть на небо, и слепой тоже устремил взгляд вверх*.

Такое рассуждение, однако, не вполне корректно. Высказывания типа **Слепой (тоже) устремил взгляд* <*посмотрел*> *вверх* абсурдно потому, что *посмотреть* (на что-л. или куда-л.) и *устремить взгляд* (на что-л. или куда-л.) содержат указание на цель – ‘видеть (что-л.)’, и это указание вступает в противоречие со значением слова *слепой*. Что касается высказывания *Слепой (тоже) устремил глаза вверх*, то в данном контексте выражение *устремить глаза* указания на цель ‘видеть’ не содержит. Благодаря этому данное высказывание вполне нормально. Приведенные примеры свидетельствуют лишь о том, что ‘взгляд’ ≠ ‘глаза’. Из них, однако, никак не следует, что *смотреть* нужно толковать через ‘взгляд’, а не через более простой смысл ‘глаза’.

Для того чтобы понять, как устроен данный фрагмент лексической системы русского языка (и соответствующий фрагмент модели восприятия), рассмотрим лексемы *глаза*, *зрение* и *взгляд*.

2.1. Слово *глаза* обозначает парный орган зрения, находящийся на лице человека (или на передней части головы животного). Во многих случаях в фокусе внимания говорящего находится внешний вид этого органа – цвет, форма, строение, расположение

¹² О глаголах моментального действия см. [Апресян 1995г].

и т.п. Ср. голубые <карие, черные, серые> глаза, большие <маленькие, круглые, узкие, удлиненные> глаза, глаза навывкате, огромные глаза с длинными ресницами, глубоко посаженные <близко поставленные> глаза; ср. также подведенные глаза, красить глаза, закрыть <зжмурить> глаза. Форма ед. числа глаз в соответствующих контекстах обозначает один из двух компонентов органа, ср. подбить глаз, бельмо на глазу, Почему у тебя левый глаз такой красный?

В других случаях в фокусе внимания говорящего находится не внешний вид данного органа, а его функция – ‘видеть’. Благодаря этому слово глаза в соответствующем круге контекстов сближается с лексемой зрение. Ср. Глаза ослабли – Зрение ослабло, Это очень полезно для глаз – Это очень полезно для зрения, Он напрягал глаза – Он напрягал зрение, У нее что-то с глазами – У нее что-то со зрением, Не читай в темноте – глаза <зрение> испортишь; ср. также хорошие <плохие> глаза в значении ‘хорошее <плохое> зрение’. Форма ед. числа глаз в соответствующих контекстах имеет родовой денотативный статус и обозначает орган зрения человека как вида, ср. Человеческому глазу это недоступно. Эта форма может также обозначать орган особого видения, свойственного а) классу людей с определенным родом занятий, ср. Глаз художника <опытный глаз> сразу заметит этот недостаток; или б) конкретному человеку с его типом восприятия, возможно, сложившимся за достаточно длительный период времени, ср. Только глаз Левитана мог увидеть тонкую красоту поздней осени, Моему глазу это непривычно.

В данном типе употреблений слово глаза, хотя и обозначает конкретный орган, но в большей степени абстрагируется от его внешнего вида, от его материальности, вещественности, в частности – от его парности (ср. значение формы ед. числа). Именно поэтому слово глаза, обозначающее видимый, материальный орган зрения, сближается здесь со словом зрение, обозначающим орган невидимый.

Наконец, в третьем круге контекстов слова глаза в фокусе внимания говорящего находятся активно действующие глаза, глаза, которые смотрят. Ср. Все устремили глаза на вошедших, Ее глаза задержались всего на одной картине, Она остановила глаза на самом дорогом браслете, Он обвел <окинул> двор глазами, Она скользила глазами по строчкам и т.п. Все сочетания со словом глаза в этом круге употреблений являются метафорическими – глаголы устремить, задержаться, остановить, обвести, скользить употреблены здесь в переносном значении. Казалось бы, на таком материале невозможно строить сколько-нибудь убедительное семантическое рассуждение. Однако в данном случае это не так – метафора во всех подобных сочетаниях очень незначительна и к тому же легко объяснима.

Дело в том, что язык очень точно уловил одну особенность функционирующих глаз – их зрачки находятся в движении, останавливаясь на том объекте, который привлек внимание человека. Именно поэтому данный круг контекстов слова глаза – это, главным образом, глаголы движения, ср. устремить <перевести> глаза, скользить глазами, обвести <окинуть, смерить, обшарить> глазами, провожать <следовать> глазами и т.п. В некоторых таких стандартных сочетаниях речь идет о движении не столько зрачков, сколько век, ср. опустить <потупить, поднять> глаза. Естественность движения зрачков и век подтверждается сочетаниями типа остановить глаза, приковать глаза (ср. Все глаза были прикованы к картине) и сочетанием с (совершенно) остановившимися глазами, которое указывает на то, что субъект находится в состоянии ужаса. Идея движения зрачков (и век) ясно видна и в тех сочетаниях, глагольный компонент которых уже не употребляется свободно: окинуть глазами (ср. кинуть), вперить глаза (ср. переть) и т.п. В этом типе употреблений глаза предстают уже не просто как орган, благодаря которому человек видит, а как орган-инструмент, с помощью которого человек смотрит.

Синонимами слова *глаза* в данном круге контекстов являются лексемы *взгляд* и *взор*¹³. Ср. стандартные сочетания с лексемой *взгляд*: *устремить <остановить, перевести> взгляд, скользнуть взглядом, обвести <окинуть, смерить, обшарить> взглядом, провожать <следовать> взглядом, опустить <поднять> взгляд*. *Взгляд задержался на чем-л., Взгляд прикован к чему-л.* и т.п. Лексема *взгляд*, подобно слову *зрение*, обозначает что-то невещественное, нематериальное. Однако она, в отличие от слова *зрение*, не является обозначением органа (даже невидимого). *Взгляд* не мыслится как часть тела человека хотя бы потому, что предполагает открытые глаза (а *зрение*, как и все остальные органы, есть и у спящего). Отсюда ясно, почему лексемы *взгляд* и *зрение* не ощущаются как синонимы. Но за счет чего возникает синонимия слов *взгляд* и *глаза*?

По нашему мнению, она обеспечена тем, что и *взгляд*, и *глаза* – это "инструмент", с помощью которого человек смотрит. Однако *глаза* – это орган-инструмент, т.е. часть тела субъекта, а *взгляд* – это просто инструмент (не орган) смотрения, причем инструмент невещественный, нематериальный.

Благодаря общему значению инструмента, слова *глаза* и *взгляд* имеют и общую сочетаемость. Они подчиняются глаголам со значением манипуляции, выступая либо а) в форме вин. пад. ("винительный объект", инструмент фиксируется или был фиксирован раньше), ср. *устремить <отвести, задержать, остановить> глаза <взгляд>* и т.п.; либо б) в форме твор. пад. ("творительный инструментальный", инструмент движется), ср. *обвести <окинуть, следить> глазами <взглядом>* и т.п. (см. также примеры выше).

В одном отношении *взгляд* вполне аналогичен обычному инструменту – инструментом действует субъект, однако непосредственно манипулирует им конкретная часть его тела. Ср. *Он орудует лопатой – Его руки орудут лопатой; Она привычно работает иглой – Пальцы привычно работают иглой; Он крутит педали – Ноги крутят педали* и т.п. *Взглядом* тоже управляет субъект (он направляет его, куда хочет или куда находит нужным), но непосредственно манипулируют им *глаза*. Правда, в русском языке недопустимы высказывания типа **Его глаза устремили (свой) взгляд на что-л.* Однако совершенно нормально сочетание *взгляд чьих-л. глаз* (ср. *Не могу забыть взгляд ее глаз*), и при нашем описании оно получает естественную интерпретацию.

Взгляд – совершенно необычный инструмент, поскольку он невеществен, нематериален. Правда, *взгляд*, подобно *глазам*, можно видеть, ср. *Заметила его (грустный) взгляд*. Дело в том, что *взгляд* может отражать чувства, желания, настроение субъекта, как бы окрашиваясь ими; ср. *задумчивый <спокойный, веселый, грустный, тоскующий, насмешливый, сочувствующий, тревожный, испуганный, вопросительный, загадочный> взгляд* и т.п. В этом отношении *взгляд* похож на *глаза*, ср. *задумчивые <спокойные, веселые, грустные, тоскующие, насмешливые, сочувствующие> глаза*.

Приведем еще некоторые факты, подтверждающие, что *взгляд* – это инструмент смотрения. Рассмотрим внутреннюю форму и отчасти историю слова *взгляд*.

Взгляд – это существительное, образованное от моментального глагола *взглянуть/взглядывать*. По форме оно аналогично существительным типа *поклон* (от *кланяться/поклониться*), *прыжок* (от *прыгать/прыгнуть*), *взмах* (от *взмахивать/взмахнуть*) и др. Описание деривации таких существительных допускает, вообще говоря, два подхода¹⁴. С одной стороны, можно считать, что они являются существительными

¹³ Слово *взор* стилистически отмечено – оно устаревшее или поэтическое и в дальнейшем нами почти не рассматривается; сходство и различие синонимов описано в [Урысон 1997].

¹⁴ См. об этом [Апресян 1995а: 168].

типа S_0 от глаголов в форме сов. вида (ср. *поклониться, прыгнуть, взмахнуть*)¹⁵. С другой стороны, их можно интерпретировать и как производные от глаголов в форме несов. вида (ср. *кланяться, прыгать, взмахивать*). В норме форма несов. вида этих глаголов указывает на повторяемость действия, а производное существительное обозначает один квант такого действия (лексическая функция S_{quant}).

Оказывается, что существительное *взгляд* в одном круге употреблений тоже выступает как S_0 (*взглянуть*) или S_{quant} (*взглядывать*). Ср. *Одного взгляда на них достаточно, чтобы понять, что это за люди* = 'достаточно один раз взглянуть'. Обозначая квант действия (или совершенное действие), существительное *взгляд* обладает потенциальной способностью выступать в количественной конструкции. Ср. *Два-три его взгляда – и девушка готова на все*; ср. также *любовь с первого взгляда*. В современном русском языке этот круг употреблений существительного *взгляд* очень узок.

Однако в языке XVIII в. (а слово *взгляд* впервые фиксируется в памятниках конца XVII века) существительное *взгляд* в качестве S_0 (*взглянуть*) или S_{quant} (*взглядывать*) употреблялось гораздо свободней. Подобно обычным отглагольным существительным этого вида, оно сочеталось с полувспомогательными глаголами типа Op_{er_1} : *сделать взгляд, оказать взгляд*. Ср. *Беландра, немного помолчавши, сделала принцу милостивой и приятной взгляд и говорила...; Нѣкоторые из тех господ... весьма прерзорные взгляды мнѣ оказывали* [Примеры из Картотеки древнерусского словаря ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН]. Ср. также сохранившееся в современном русском языке сочетание *удостоить взглядом*, которое можно трактовать как Labor_{12} (*взгляд*)¹⁶.

Отглагольное существительное со значением действия, как правило, полисемично – так, оно часто развивает значение инструмента действия (S_{instr}). Ср. примеры из [Апресян 1995а: 198]: *зажим (деталей – для деталей), отвал (пластов – плуг с отвалом), поднос (блюд – для блюд), прицел (линия прицела – оптический прицел), свисток (протяжный – на паровозе)*. Инструментальное значение развивает и существительное *взгляд*: только как обозначение инструмента можно интерпретировать его в сочетаниях с глаголами манипуляции, ср. *устремить взгляд, обвести взглядом* и др. примеры выше (четкую сводку типов регулярной многозначности отглагольных существительных см. в [Апресян 1995а: 193–200]).

Попытаемся представить внутреннюю логику развития значения слова *взгляд* (подчеркнем, что речь идет именно о логике, а не о реальной истории).

Становясь обозначением инструмента, слово *взгляд* сближается с существительным *глаза*. В частности, на *взгляд-инструмент* переносятся характеристики смотрящих глаз; ср. *немигающий взгляд, пристальный взгляд, неподвижный взгляд, Его взгляд светился нежностью* и т.п. Такой перенос характеристик облегчается тем, что в системе языка уже имеются многочисленные определительные сочетания типа *быстрый <косой, нежный> взгляд, взгляд исподлобья* и т.п. В них существительное *взгляд* может интерпретироваться как логически исходное существительное со значением ситуации (S_0 или S_{quant}), так что все сочетание предстает как результат чисто синтаксического преобразования (связанного, правда, с заменой частей речи); ср. *быстро <нежно, косо> взглянуть* → *быстрый <нежный, косой> взгляд, взглянуть исподлобья* → *взгляд исподлобья* и т.п. (как *низко поклониться* → *низкий поклон*,

¹⁵ Здесь и далее мы пользуемся символами лексических функций А.К. Жолковского и И.А. Мельчука (см. [Мельчук 1974]). S_0 – это производное существительное, сохраняющее лексическое значение исходного слова; ср. *принимать (граждан) – прием (граждан), разбирать (произведение) – разбор (произведения), рыхлить – рыхление* и т.д.

¹⁶ Labor_{12} – это глагол, имеющий название ситуации вторым дополнением, а названия актантов этой ситуации – подлежащим и первым дополнением; ср. *окружать кого уважением, подвергать кого/что осмотру* [Мельчук 1974: 92].

хорошо отдохнуть → *хороший отдых* и т.п.). Послужив почвой для образования нового типа определительных сочетаний со словом *взгляд*, подобные сочетания сами переосмысливаются – в контекстах типа *устремить взгляд*, *смерить взглядом* они начинают интерпретироваться как обозначение инструмента смотрения.

Результатом сближения отглагольного существительного *взгляд* со словом *глаза* является расширение семантики этого существительного: *взгляд* осмысливается как производное не от *взглядывать/взглянуть*, а от глагола с более широким значением *смотреть/посмотреть*. Иными словами, *взгляд* = S_{instr} (*смотреть/посмотреть*); ср. *проводить (долгим) взглядом*, *устремить (задумчивый) взгляд*, *следить (внимательным) взглядом*, *остановить (тоскующий) взгляд*, *взгляд в упор* и т.п. – во всех этих сочетаниях речь идет не о *взглядывании*, а о *смотре*. Лишь в некоторых контекстах *взгляд* ‘инструмент’ сохраняет указание на моментальность, “точечность” действия, наследуемое им от моментального *взглянуть/взглядывать*; ср. *мимолетный взгляд*, *бросить <метнуть> взгляд*¹⁷.

Возможно, переосмысливаются сочетания типа *взглянуть <(но)смотреть>* (каким-либо) *взглядом*. Эти сочетания совершенно аналогичны сочетаниям с творительным тавтологическим; ср. *улыбаться (какой-либо) улыбкой*, *любить (какой-либо) любовью*, *плакать (какими-либо) слезами*, *жить (какой-либо) жизнью*, *умереть (какой-либо) смертью* и т.п. Однако тавтологические сочетания *взглянуть <(но)смотреть>* (каким-либо) *взглядом* могут сближаться с несравненно более употребительными сочетаниями с творительным инструментальным; ср. *смотреть глазами*, *слышать ушами*, *идти ногами*, *хватать рукой*, *бодаться рогами*, *резать ножом*, *пилить пилой* и т.п. Форма *взглядом* в них тоже может восприниматься как творительный инструментальный.

Сближаясь со словом *глаза*, существительное *взгляд*, однако, не заимствует у него главной черты – семантики вещественности, материальности, значения части тела (органа). Отметим, что существительное *взор* в языке XVIII – начала XIX в. сблизились со словом *глаза* в гораздо большей степени: форма множ. числа *взоры* значила тогда то же, что *глаза*. Именно так толкует ее [САР], ср. примеры оттуда: *И светлоголубые взоры / Ея всечасно слезы льют* (Г.Р. Державин); *Слепит блеск молний взоры* (И.А. Крылов). По-видимому, так же можно интерпретировать эту форму и в следующих строках: *С жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль* (М.Ю. Лермонтов).

Слово *взгляд*, в отличие от своего синонима *взор*, “остановилось на полдороге”: оно стало обозначать инструмент смотрения, но не сами глаза. Значение лексемы *взгляд* можно представить как результат вычитания семантики вещественности, органа из значения слова *глаза*.

С этой своего рода незавершенностью развития инструментального значения у слова *взгляд* связана и основная трудность описания его семантики. Казалось бы, слово *взгляд* в соответствующих употреблениях естественно толковать через ‘инструмент’. Однако последнее слово содержит в своем значении слишком много компонентов, отсутствующих в слове *взгляд*. Действительно, инструмент – это предмет, специально созданный (или приспособленный) человеком для выполнения определенных действий, определенной работы. В значении слова *взгляд* нет ничего похожего – это существительное обозначает нечто нематериальное, ни для чего не предназначенное. Говоря, что *взгляд* – это инструмент смотрения, мы, очевидно, упот-

¹⁷ Это – одно из отличий *взгляда* от *взора*. В современном русском языке сомнительно или неудачно ?? *мимолетный взор*, ?? *метнуть взор*, ?? *бросить взор*. Можно думать, что существительное *взор* не способно указывать на моментальность действия потому, что образовано от глагола *взирать/воззреть*, который обозначает обычное, не “точечное” действие.

реблем слово *инструмент* не в его нормальном смысле, а для обозначения чистой "идеи инструментальности". Как выразить эту "чистую идею" средствами семантического языка?

Очевидно, нужно вычестить из значения 'инструмент' все лишнее (предметность, предназначенность, идею работы и т.п.). Но результат такого препарирования смысла уже не будет русским словом – мы получим некий конструкт, для обозначения которого некорректно использовать русскую лексику. Предлагаем обозначить этот конструкт особым символом, подчеркивая этим, что значение 'взгляд' выразимо только словом *взгляд* и невербализуемо никакими другими средствами русского языка.

В качестве такого ярлыка, помогающего эксплицировать семантику слова *взгляд*, мы выбрали символ лексической функции S_{instr} . Значение слова *взгляд* в его инструментальном употреблении представляется тогда следующим образом: S_{instr} (*смотреть*).

Однако слово *взгляд* в очень ограниченном круге контекстов выступает не как S_{instr} (*смотреть*), а как обозначение ситуации. В лексикографической практике такие отглагольные имена действий не получают толкования в собственном смысле слова – их значение определяется через отсылку к производящему глаголу. Ср., например: "ВВЯЗКА. Действие по знач. глг. ввязать – ввязывать"; "ВСКРЫВАНИЕ. Действие по знач. глг. вскрывать" [МАС]. Такую отсылку в определении слова называют условным обозначением или условной формулой. В сущности, это метка семантической трансформации, преобразующей значение производящего слова в значение производного¹⁸.

Ниже, при обсуждении метаязыка толкований, мы специально обоснуем, почему отглагольное имя ситуации не может толковаться обычным способом, почему его семантику нужно представлять с помощью особого условного обозначения. Сейчас скажем только, что в качестве такового мы выбираем символы лексических функций S_0 или S_{quant} . С помощью этих символов семантика слова *взгляд* как имени ситуации может быть представлена двумя способами: а) S_{quant} (*взглядывать*) либо б) S_0 (*взглянуть*). Мы воспользуемся первым способом. Итак, значение слова *взгляд* в том круге его употреблений, где оно обозначает имя ситуации, представляется следующим образом: S_{quant} (*взглядывать*).

По нашему мнению, *взгляд* как обозначение инструмента смотрения и *взгляд* как обозначение ситуации – это не разные лексемы, не разные значения слова *взгляд*, а всего лишь два разных круга его употреблений. Иными словами, регулярная полисемия типа "имя действия – имя инструмента действия" хотя и наметилась в слове *взгляд*, но все-таки не состоялась. Обсуждение вопроса о том, почему деление этого слова на значения как будто началось, но не дошло до конца, выходит за рамки предлагаемой работы. Приняв, что слово *взгляд* во всех рассмотренных выше контекстах – это одна и та же лексема, мы представляем его семантику следующим образом: *взгляд* = ' S_{instr} (*смотреть*) или S_{quant} (*взглядывать*)'.

Каков статус этого выражения¹⁹? Для ответа на этот вопрос нам потребуется небольшой экскурс в теорию семантики.

2.2. В современной семантике в качестве метаязыка толкований используется "определенным образом сокращенный и унифицированный подязык языка-объекта, т.е. реально существующие слова и синтаксические конструкции в их обычных зна-

¹⁸ Ср. объяснение такого условного обозначения в [СУш]: "Действие или состояние по глг. (такому-то) – значит: значение слова следует составить применительно к значению указанного глагола. напр.: ВАЛЯНИЕ. Действие по глг. валять" [СУш: XLIII–XLIV]. Подробнее об этой семантической трансформации см. [Урысон 1996].

¹⁹ Заметим, что этот вопрос возникает независимо от того, считаем ли мы слово *взгляд* моносемичным или полисемичным. В последнем случае два его значения представляются с помощью тех же символов, т.е. столь же необычным образом.

чений" [Апресян 1995д: 468]. В этом подъязыке выделяются неопределяемые, неразложимые лексемы – они участвуют в толковании других лексем, но сами не определяются ни через какие единицы языка (ср., например, *не, хотеть, время*). Такие неопределяемые единицы составляют исходный словарь метаязыка толкований. Все другие его единицы сводимы к неопределяемым, т.е. могут быть истолкованы через них. Таким образом, толкование лексемы – это языковое выражение, каждая единица которого принадлежит метаязыку толкований, т.е. либо является неопределяемой, либо сводима к неопределяемым.

Неопределяемые лексемы, к которым сводимы значения всех других единиц языка, называются семантическими примитивами. Насколько они элементарны, т.е. неразложимы на составные части? Ю.Д. Апресян [Апресян 1995д] продемонстрировал, что семантические примитивы элементарны лишь относительно. Проиллюстрируем это на одном примере Ю.Д. Апресяна.

Русский глагол *хотеть* имеет статус семантического примитива – он действительно не может быть истолкован через какие-либо лексемы русского языка. Его близкий синоним *желать*, очевидно, семантическим примитивом не является. При всем своем сходстве эти глаголы имеют и ряд различий. Глагол *хотеть*, в отличие от *желать*, наряду с "чистым желанием" (ср. *Я так хочу, чтобы лето не кончалось*), в некоторых контекстах выражает еще и идею потребности (ср. *Очень хочу спать, просто засыпаю на ходу*), идею действенной воли (ср. *Мне хочется – Хочу и буду*), идею намерения (ср. *Он уже хотел ложиться на операцию, но, к счастью, боли стали уменьшаться*). Глагол *желать* тоже не всегда выражает идею желания в чистом виде. В частности, он, в отличие от *хотеть*, может употребляться для указания на то, что желание субъекта известно другим людям и должно быть исполнено: ср. *Принцесса желала спать на самой простой кровати в доме*.

Значение *хотеть* пересекается со значением *желать* – глаголы имеют очень большую общую часть, которая и выражает идею "чистого желания". Кроме этой общей части, в значении каждого глагола имеются еще некоторые мелкие смыслы, за счет которых *хотеть* и *желать* различаются между собой. Но ни эта общая часть, ни мелкие смыслы, их различающие, не определяются через какие-либо другие русские лексемы. При этом *хотеть* не проще, чем *желать*, но и *желать* не проще, чем *хотеть*. Вообще говоря, статус семантического примитива мог бы получить любой из них. Выбор *хотеть* на роль семантического примитива определяется исключительно тем, что *хотеть* существенно употребительнее, чем *желать* и (в отличие от *желать*) совершенно нейтрален стилистически.

Тем самым, семантический примитив не обязательно является вполне простым, абсолютно неразложимым – в его значении могут выделяться какие-то составные части, но эти составные части (так же как примитив целиком) не могут быть истолкованы словами данного языка. Следовательно, элементарность, неразложимость семантического примитива относительна: она определяется "структурой лексики самого описываемого языка: лексема L считается примитивом, если в данном случае не существует других лексем $L_1, L_2, \dots, L_n$, через которые ее можно было бы истолковать" [Апресян 1995д: 480].

Нетолкуемые смыслы, более мелкие, нежели семантический примитив. Ю.Д. Апресян называл семантическими кварками. Разложимость семантического примитива влечет за собой важные следствия.

Во-первых, получается, что не всякую лексему можно полно и точно истолковать, пользуясь метаязыком, представляющим собой подъязык языка-объекта. Рассмотрим, например, глагол *желать*. Его, очевидно, следует толковать через семантический примитив 'хотеть'. Однако, как мы убедились выше, 'хотеть', – это смысл, отличный от смысла глагола *желать*. Специфические смысловые "штрихи", различающие эти синонимы, являются семантическими кварками. Их можно описать, пользуясь разного

рода примерами, длинными объяснениями и т.п., но такое описание семантики слова *желать* не будет удовлетворять требованиям, предъявляемым к толкованию. В частности, лексические единицы, через которые будут описаны эти смысловые нюансы, окажутся существенно сложнее самой толкуемой лексемы. Толкование *желать* = 'хотеть' неточно и неполно, но оно этим требованиям удовлетворяет. Ср. в связи с этим противопоставление толкования (дефиниции) лексемы и более свободных ее дескрипций в [Апресян 1995д]; ср. также практику, принятую в толковых синонимических словарях, прежде всего в [НОСС].

Во-вторых, из разложимости семантического примитива следует, что лексемы какого-либо естественного языка, даже если в своем языке они являются семантическими примитивами, могут оказаться непригодными для описания универсальной (cross-cultural) семантики. Действительно, в таких примитивах могут вычленяться национально-специфичные кварки. Например, англ. *want* и русск. *хотеть*, имея общую нетолкуемую семантическую часть, различаются специфическими мелкими смыслами, придающими каждому из этих слов своеобразный национальный колорит (сравнение *want* и *хотеть* см. в [Апресян 1995д]). При описании универсальной семантики такие смыслы нужно, по-видимому, игнорировать. Но это значит, что универсальная семантика должна оперировать не примитивами (лексемами) конкретного языка, а пересекающимися частями почти эквивалентных друг другу примитивов из разных естественных языков. Такие семантические единицы, очевидно, являются искусственными – это кварки, т.е. единицы, меньшие, чем примитивы. Именно такие кварки являются "подлинными семантическими примитивами" [Апресян 1995д: 481]. Следовательно, в универсальной семантике должен использоваться искусственный метаязык.

Вернемся теперь к метаязыку для описания национальной семантики. Верно ли, что он должен быть естественным? На первый взгляд, кажется, что – да: для этого метаязыка факт существования кварков не влечет никаких следствий (именно такой вывод делается в [Апресян 1995д]). Мы, однако, продемонстрируем, что некоторые русские лексемы (не являющиеся примитивами) нельзя определить, пользуясь естественным метаязыком. Более того, традиционная лексикография определяет целый класс лексем, пользуясь особыми условными обозначениями.

Рассмотрим подробнее отглагольные имена действий, толкуемые через "условную формулу"; ср. ВАЛЯНИЕ – *действие по глг.* ВАЛЯТЬ. Такая условная формула указывает, очевидно, на то, что исходный глагол нужно подвергнуть некоему преобразованию, в результате которого и получается производное существительное. Что представляет собой это преобразование? Ответ как будто ясен: у данного слова нужно заменить часть речи. А именно, нужно заменить (некоторые) его глагольные морфологические и синтаксические свойства на морфологические и синтаксические свойства существительного. Затрагивается ли при этом и значение лексемы? На этот счет существуют два мнения.

Более традиционная лингвистика считает, что в основе частеречной принадлежности слова лежит семантика. Некоторые лингвистические школы, напротив, полагают, что частеречная принадлежность слова – это всего лишь его грамматическое обличье, отдельное от смысла слова (ср., например, [Балли 1955; Теньер 1988; Курилович 1962; Мельчук 1974]). Мы придерживаемся первой точки зрения (новые аргументы в ее пользу приведены в [Урысон 1996]). Итак, меняя у лексемы часть речи, мы отчасти меняем и ее семантику.

Обратим теперь внимание на то, что частеречная семантика входит – как составная часть – в семантические примитивы (поскольку они являются лексемами естественного языка и, следовательно, принадлежат тем или иным частям речи). Но это значит, что частеречная семантика является семантическим кварком – она мельче примитива и, очевидно, нетолкуема²⁰. Действительно, такие дефиниции, как, напри-

²⁰ Ср. [Апресян 1995д: 482].

мер, "существительное – это часть речи, обозначающая предмет", "глагол – это часть речи, обозначающая действие", вообще говоря, неверны. Действительно, многие существительные не обозначают предметов (ср. *мысль, жизнь, весть*); не все глаголы обозначают действия (ср. *болеть, хорошеет*), и не все действия обозначаются глаголами (ср. *бег, действие*). Очевидно, что в подобных дефинициях слова "предмет" или "действие" употребляются в каком-то особом смысле. По существу, это названия кварков.

Условная формула "действие по значению глагола", через которую определяются отглагольные имена действий, указывает на то, что из значения производящего слова нужно вычесть кварк с категориальным значением глагола и заменить его на кварк с категориальным значением существительного. Однако информация о части речи "впаяна" в значение любой лексемы. Вычитая из лексического значения соответствующий кварк, мы получаем конструкт, искусственную единицу, а не нормальное слово. К этому конструкту мы добавляем другой частеречный кварк и получаем таким образом производную лексику. Можно ли ее истолковать?

Принято говорить, что категория существительного "опредмечивает" понятие, выраженное глаголом (см., например, [Пешковский 1956: 73; Виноградов 1972: 46]). Очевидно, однако, что слова "опредмечивать", "опредмечивание" и т.п. совершенно неуместны в толковании производного существительного типа *валяние* (подобно тому как в толковании существительных *человек, дерево* или *небо* неуместно слово "предмет"). Замена категориального значения части речи столь же невербализуема, нетолкуема, как само это значение. Традиционная лексикография недаром определяет подобные производные лексемы с помощью условной формулы – они не поддаются толкованию в обычном смысле слова.

На наш взгляд, однако, более последовательно обозначать эту формулу не словами естественного языка, а особым символом. Действительно, определение, сформулированное на русском языке, естественно понимать если не как обычное русское толкование, то как выражение на метаязыке толкований (а в качестве такого используется подязык языка-объекта). Однако условная формула "действие по значению глагола" обозначает операцию над невербализуемыми единицами – кварками. Строго говоря, для обозначения этой операции нужно расширить имеющийся семантический метаязык, введя в него символы частеречных кварков. Мы предлагаем использовать для обозначения частеречной семантики символы лексических функций, в частности – символы S_0 и S_{quant} для обозначения категориального значения существительного – этим подчеркивается невербализуемость значения части речи. Преобразование, заключающееся в замене категориального значения глагола на категориальное значение существительного, мы будем записывать, используя символику, принятую в [Мельчук 1974]. Ср. *валяние* = ' $S_0(\text{валять})$ '; *прыжок* = ' $S_{\text{quant}}(\text{прыгать})$ '.

Отглагольные имена действий (а также другие так называемые синтаксические дериваты) образуют класс лексем, которые определяются с помощью искусственного логического языка. Следовательно, средствами естественного метаязыка не может быть описана не только универсальная, но и национальная семантика. Очевидно, впрочем, что лексемы, которые нельзя определить, не прибегая к искусственному метаязыку, составляют незначительную часть лексики конкретного языка. Что представляют собой такие лексемы с точки зрения семантической теории?

Очевидно, перед нами какой-то особый объект. С одной стороны, он нетолкуем, и это роднит его с кварками. С другой стороны, он, в отличие от кварка, не проще, не мельче семантического примитива. Например, существительное *валяние* обозначает столь же сложное действие, что и глагол *валять* (в самом первом приближении, *валять* = 'энергично переворачивая, перекатывать объект, находящийся на горизонтальной поверхности, обычно с целью причинить ему вред'). Ясно, что, заменяя в подобном смысле один частеречный кварк другим, мы никак не приближаемся к уровню примитивов.

Почему же лексема со столь богатым смыслом нетолкуема? Причина в необычности соединения данного смысла с несвойственным ему частеречным кварком.

Такие лексемы, которые хотя и не мельче семантического примитива, но, подобно кваркам, нетолкуемы, можно назвать "псевдокварками". Пока очевиден один класс псевдокварков – это так называемые синтаксические дериваты, в частности – отглагольные существительные типа S_0 или S_{quant} . Существуют ли псевдокварки, отличные от таких дериватов?

Для ответа на этот вопрос вернемся к нашему определению слова *взгляд*: ' S_{quant} (*взглядывать*) или S_{instr} (*смотреть*)'. Первая часть этого определения представляет собой описанный выше псевдокварк – отглагольное имя действия. Вторая часть – S_{instr} (*смотреть*) – это тоже, очевидно, псевдокварк. Действительно, данный смысл неразложим на какие-то более простые лексем, т.е. нетолкуемы. Однако он богаче семантического примитива – в частности, в него входит смысл 'смотреть'. Перед нами псевдокварк, не являющийся синтаксическим дериватом²¹.

Необычность слова *взгляд* состоит в том, что оно является псевдокварком не только в том круге употреблений, где функционирует как синтаксический дериват (отглагольное имя действия), но и в том употреблении, где обозначает некий в высшей степени абстрактный инструмент. Мы полагаем, что исследование русской лексики позволит выявить и другие подобные псевдокварки – лексемы с достаточно богатым, но странным смыслом, для определения которого нужно прибегать к искусственному метаязыку.

В заключение этого теоретического экскурса заметим, что наше определение лексемы *взгляд* в той же мере неполно, в какой неполно, например, толкование *желать* = 'хотеть'. В частности, в предлагаемом толковании никак не указывается на то, что *взгляд*, подобно глазам, может отражать душевное состояние человека. Подобная информация "не умещается" в толкование – ее можно подать в более свободной, нежели определение, дескрипции лексемы *взгляд*.

2.3. Инструментальное употребление слова *взгляд* предстает как закономерный продукт системы языка, как результат "игры" этой системы: у отглагольного существительного со значением S_{quant} естественно развивается употребление S_{instr} . При этом исходное употребление слова *взгляд* в качестве отглагольного имени действия оттесняется на периферию, а инструментальное значение, логически непервое, производное, становится центральным. Поддерживается ли это употребление реальными представлениями носителей языка?

Рассмотрим в связи с этим еще один, специфичный круг употреблений слова *взгляд*. Ср. *чувствовать* <*заметить*> на себе *чей-либо* *взгляд*, *поймать* на себе *чей-либо* *взгляд*, (*не*) *выдержать* *чей-либо* *взгляд* (ср. *Он спокойно выдержал его взгляд*), *гипнотизировать* *взглядом* (ср. *Удав гипнотизирует жертву взглядом*); возможно даже *Она взглядом передвигает предметы*. Казалось бы, лексему *взгляд* в этих случаях можно интерпретировать как обычное отглагольное существительное со значением ситуации, т.е. S_0 или S_{quant} от (*по*)*смотреть* (или от *взглянуть* / *взглядывать*). Ср. *Она почувствовала на себе чей-то взгляд* – *Она почувствовала, что на нее смотрят*. Однако такая интерпретация потребует слишком много оговорок. Действительно, актант глагола *смотреть*, ср. *смотрят* → *на нее*, при, казалось бы, обычной трансформации прономинализации (*смотреть* – *взгляд*), почему-то перевешивается на другой предикат, подчиняющий данный; ср. *почувствовала* → *на себе*. В других, на первый взгляд, вполне аналогичных, случаях этого не происходит. Ср. *Она чувствовала, что он на нее надеется* – допустимо, хотя и сомнительно [?] *Она чувствовала его надежду на нее*, но совершенно невозможно * *Она чувствовала на себе его*

²¹ Заметим, что смысл, для обозначения которого мы выбрали символ S_{instr} (т.е. препарированное значение 'инструмент'), возможно, представляет собой кварк или псевдокварк.

надежду. Овооще, *чувствовать на себе* можно только какое-то реальное воздействие, обычно – физическое.

Мы полагаем, что во всех подобных контекстах взгляд выступает как некий инструмент воздействия на другого человека (живое существо) или даже на неодушевленные объекты. Быть может, мы имеем здесь дело с метафорой, образным выражением? Это безусловно не так. Иногда человек ощущает, что на него смотрят, поэтому сочетания (*но*) *чувствовать на себе чей-то взгляд, поймать на себе чей-либо взгляд* описывают вполне реальное, близкое к физическому (хотя и совершенно особое) ощущение. Ср. *Он почувствовал, что на него смотрят, и обернулся: В пустом коридоре она почувствовала на себе чей-то взгляд, но приложила все силы, чтобы идти не оглядываясь.*

Именно такое реальное ощущение, такой (а возможно, и более широкий) реальный опыт отражается в этих выражениях. Существенно, что представление о возможном воздействии взгляда на людей и даже на предметы и сейчас является вполне живым. Ср. *Увидел огромные глаза, полные ужаса и отвращения, и в этих глазах – самого себя – и этот взгляд швырнул его назад, на лестницу, вниз* (А. и Б. Стругацкие); ср. также следующий поэтический пример с ближайшим синонимом слова *взгляд* – лексемой *взор*: *В стое сена выглядишь иголку, / Стены размыкаешь взором злобным* (М. Петровых).

Представление о воздействии глаз, точнее – взгляда субъекта на другого человека (или живое существо) обнаруживается и в некоторых других русских словах: ср. *сглазить, сглаз*, а также устаревшее сочетание (*дурной*) *глаз*. Ср. *Один мужик, которого он наказал, как-то дурно посмотрел на него и сглазил* [МАС]; *Невеста в потемках сидит, мать от нее ни на шаг, – сглазу бояться, чтоб не испортили* [МАС]; ... *беречь ребенка от простуды, от глаза и других враждебных обстоятельств* [МАС].

Лексемы *сглазить, сглаз* и сочетание (*дурной*) *глаз* отличаются от слова *взгляд*, в частности, следующим. Во-первых, они предполагают, что субъект имеет цель причинить зло тому, на кого он смотрит, т.е. он сознательно воздействует на свою "жертву". Во-вторых, предполагается, что субъект сознательно использует сверхъестественные силы. Как бы то ни было, эти лексические единицы представляют смотрение на какой-либо объект как воздействие на него.

Но воздействие часто предполагает инструмент. Обратим внимание на то, что этот инструмент обозначается словом *взгляд*, но не *глаза*. Нормально *Он почувствовал на себе чей-то взгляд, Она взглядом передвигает предметы*, однако плохо * *Он почувствовал на себе чьи-то глаза, ?? Она глазами передвигает предметы* и т.п. Можно думать, что именно в данном круге контекстов инструментальное значение слова *взгляд* поддерживается реальными представлениями носителей языка. Что же представляет собой *взгляд* как инструмент?

Язык не дает вполне четкого ответа на этот вопрос. Выше мы выяснили, что *взгляд* нематериален, невеществен. Исходя из общих, энциклопедических соображений, т.е. из соображений об устройстве мира, можно предположить, что *взгляд* – это особая сила, возможно – нечто похожее на свет: ср. в связи с этим сочетания *Взгляд упал* (как *Луч упал*), *бросить взгляд* (как *бросить луч света*). Однако это всего лишь "наивная энциклопедия" – никаких подобных компонентов в значении слова *взгляд* нет.

Представление о *взгляде* как об инструменте кажется совершенно парадоксальным – оно не соответствует ни нашим обиходным понятиям, ни научной картине мира. Ниже мы специально остановимся на этом несоответствии. Сейчас отметим другое. *Взгляд* – это совершенно необычный инструмент, недаром обычный носитель языка вряд ли согласится признать *взгляд* инструментом смотрения. Это интересным образом проявляется в поведении слова *взгляд*: с точки зрения системы перифразирования оно не похоже ни на одно обозначение "классического" инструмента (ср. *нож, топор, игла*

и т.п.). Действительно, обозначение "классического" инструмента может заполнять субъектную валентность глагола; ср. *резать ножом – Нож режет, рубить топором – Топор рубит, шить иглой – Игла шьет, лечить лазерным лучом – Лазерный луч лечит* и т.п. Однако нормально *смотреть* взглядом, *обвести* взглядом, но недопустимо * *Взгляд смотрит*, ? *Взгляд обводит* и т.п. Кроме того, в случае "классического" инструмента субъектом при глаголе манипуляции может выступать обозначение части тела человека; ср. приводившиеся выше примеры *Он орудует лопатой – Его руки орудут лопатой; Она привычно работает иглой – Пальцы привычно работают иглой* и т.п. Однако невозможно * *Его глаза устремили взгляд на что-л.* (*обвели* взглядом что-л.), хотя совершенно нормально *Он устремил взгляд на что-л.* (*обвел* взглядом что-л.).

Вернемся к соотношению зрения и слуха в языковой модели восприятия. Как и следовало ожидать, фрагмент, посвященный зрительному восприятию, разработан русским языком наиболее полно: зрительное восприятие предполагает обычный, материальный орган (глаза), невидимый, нематериальный орган (зрение) и особый, нематериальный инструмент (взгляд). Напомним, что невидимый орган предполагается еще и ситуацией слухового восприятия (ср. слух) и, отчасти, ситуацией восприятия запахов (ср. обоняние). А орган-инструмент участвует только в ситуации 'щупать'. Теперь ясно, почему представление о невидимом органе, благодаря которому человек видит (лексема *зрение*), развито в языке меньше, чем представление о слухе как о невидимом органе. Это компенсируется представлением об особом инструменте смотрения – взгляде. При этом глагол *смотреть*, в отличие от *слушать*, толкуется через указание на реальный орган-инструмент – глаза (а не через нематериальный орган 'зрение' или инструмент 'взгляд'). Ср. его толкование:

Смотреть на X = 'держать глаза направленными на X, для того чтобы видеть X'²².

3. Русская языковая модель восприятия имеет мало общего с научной картиной мира – в современном научном знании нет места представлению о каких-либо не-вещественных, нематериальных органах или инструментах. Правда, в одном отношении данный фрагмент языковой картины мира неожиданно сближается с научным знанием. Современное понимание зрительного и слухового восприятия базируется на представлении о сложных системах, которые особым образом преобразуют световые (звуковые) колебания и передают их в соответствующие центры головного мозга, где и возникает зрительное (слуховое) ощущение. Эти системы представляются полными аналогами тех невидимых органов, с помощью которых, с точки зрения русского языка, человек видит и слышит. Эту аналогию можно считать случайным совпадением, хотя, на наш взгляд, естественнее допустить, что представление об устройстве человека, лежащее в основе языковой модели восприятия и – шире – "наивной анатомии" [Урысон 1995], является вполне здравым и именно поэтому в ряде существенных отношений соответствует современному научному знанию. Впрочем, как несовпадение, так и частичное совпадение языковой картины мира с научной – факт в целом хорошо известный лингвистике.

Гораздо интереснее другое – русская языковая модель восприятия разительно отличается и от наших обиходных, обыденных представлений (они, кстати, весьма близки научным). Действительно, вряд ли найдется современный носитель языка, который считает, что внутри человека есть какие-то невидимые, нематериальные органы, благодаря которым он видит, и что человек смотрит, используя какой-то нематериальный инструмент. Как интерпретировать такое несоответствие языковой картины мира обиходным представлениям?

На наш взгляд, в основе русской языковой модели восприятия (в особенности – восприятия зрительного) лежат древнейшие, реликтовые представления об устройстве

²² В случаях типа *Я смотрю (в темноту), но ничего не вижу* значение глагола *смотреть* несколько модифицируется; ср. 'держать глаза направленными куда-л., для того чтобы видеть, что там происходит'.

человека. Эти представления сохранялись почти исключительно в народной культуре (что и подтверждает их глубокую архаичность). Так, в словаре [Слав. древности 1995] глаза толкуются как "орган зрения, при помощи которого, по народным представлениям, человек может повлиять на судьбу другого человека". Ср. также мнение Ф. Бадера: «Зрение воспринималось индоевропейцами (по крайней мере греками и индийцами) как излучение огненного света, и имена многих персонажей мифов, связанных со зрением, означают "(имеющий) сверкающий (глаз)". Это *Киклон* (**Cykl-ops* < **keu-k-* 'сверкать, гореть; видеть'); от этой же основы, через этрусское посредство, произошло *Коклес* (*Cocles*); это и *Луг* (*Lug*). если его имя родственно корню **leu-k-* 'сиять, светить' и *Балор* (*Balor*). если связывать его с корнем **bhel-* 'сиять, сверкать'» [Бадер 1988: 216].

Существенно, что инструментальное значение слова *взгляд* (и его синонима *взор*) развивается в языке относительно поздно (судя по письменным памятникам – в конце XVII века). А это значит, что данная модель человека продолжала разрабатываться русским языком даже в новое время. при том, что скорее всего уже не осознавалась его носителями. По-видимому, это относится и ко всей "наивной анатомии" человека (см. [Урысон 1995]), в частности – к представлению о зрении и слухе как о невидимых органах²³.

Древнейшие представления о мире зафиксированы в фольклоре, в мифологии. Поэтому представляется перспективным сравнение языковой картины мира с фольклорной, мифологической. Описание русской языковой модели восприятия убеждает в том, что граница между языковой и фольклорной картинами мира может быть далеко не столь отчетлива, как между языковой и научной. Исследование обиходных представлений (за их совокупностью, по-видимому, можно сохранить название "наивной картины мира" – в противоположность "языковой картине") – это особая область, лишь частично находящаяся в компетенции лингвистики.

Обиходные представления о человеке меняются гораздо быстрее, нежели консервативная, инертная языковая картина мира. Это понятно – сознательное представление человека о мире формируется не столько языком, сколько повседневным опытом, а также массовым, школьным знанием (в основе которого лежит знание научное). Но это значит, что какие-то фрагменты языковой картины мира могут уже не соответствовать нашим обиходным представлениям. Из этого следует, что в процессе речевой деятельности реальные знания человека могут вступать в противоречие с языковой картиной мира.

Разрешение этого конфликта удобно моделировать как перевод. Говорящий переводит выражаемый им смысл из современной, осознаваемой им понятийной системы в другую (архаичную), навязываемую ему естественным языком. Адресат, наоборот, переводит высказывание с языка более древних понятий на язык современного обыденного знания. Ситуация аналогична переводу текста с одного языка на другой, когда языки сильно различаются своими понятийными сетками (способами концептуализации).

Носители русского языка не осознают, что выражают свои мысли на языке каких-то иных (древнейших) понятий, не соответствующих их обыденному, реальному знанию, – подобно тому, как не осознают и того, что в разговорной (некодифицированной) речи пользуются совершенно особой грамматикой, "неправильной" по сравнению с той, которой их учили в школе.

²³ Наши данные полностью подтверждают совершенно справедливое мнение Е.С. Яковлевой: "Можно предположить, что направление, в котором идет развитие... языковых значений, задается именно картиной мира" [Яковлева 1994: 308]. Однако нам представляется совершенно неверным окончательный вывод автора: «"Дрейф" языковых значений происходит в сторону экспликации архетипических черт нашего сознания» [Яковлева 1994: 308]. Язык действительно продолжает разрабатывать даже древнейшие "модели", однако языковая картина мира вполне автономна от наших обиходных представлений, так что некоторые ее фрагменты могут прямо противопоставляться "нашему сознанию".

- Апресян Ю.Д. 1995а – Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. I. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995б – Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995в – Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995г – Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995д – О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Бадер Ф. 1988 – Области индоевропейской реконструкции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в зарубежной индоевропеистике. М., 1988.
- Балли Ш. 1955 – Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1956.
- Вежбицка А. 1986 – Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М., 1986.
- Виноградов В.В. 1972 – Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Курилович Е. 1962 – Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962.
- МАС – Толковый словарь русского языка: В 4-х томах. М., 1985–1990.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.
- НОСС – Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.
- Пешковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- САР – Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Вып. 2. СПб., 1892.
- Слав. древности 1995 – Славянские древности. Словарь. Вып. 1 / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.
- СУш – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
- Теньер Л. 1988 – Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Урысон Е.В. 1995 – Фундаментальные способности человека и наивная "анатомия" // ВЯ. 1995. № 3.
- Урысон Е.В. 1996 – Синтаксическая деривация и "наивная" картина мира // ВЯ. 1996. № 4.
- Урысон Е.В. 1997 – Словарная статья ВЗГЛЯД // Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.
- Щерба Л.В. 1974 – Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Яковлева Е.С. 1994 – Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.
- Wierzbicka A. 1992 – Semantic, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. New York, 1992.